

@ASYA.KNOWS

блог о социальной и гендерной истории

НЕПРИГЛЯДНАЯ ИСТОРИЯ

БРАКИ \ ИСТЕРИЯ \ АБОРТЫ \ РАЗВОДЫ

СЕКСУАЛЬНОСТЬ \ РОДЫ \ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

МАТЕРИНСТВО \ ГИГИЕНА \ ИЗМЕНЫ

ОДЕЖДА \ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ \ БОЛЕЗНИ \ ДОСУГ

как жили, любили и болели
в разные эпохи

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

18+

Темные архивы. Книги о жутких
экспериментах и практиках над людьми

@asya.knows

**Неприглядная история. Как жили,
любили и болели в разные эпохи**

«ЭКСМО»

2023

УДК 392
ББК 63.5

@asya.knows

Неприглядная история. Как жили, любили и болели в разные эпохи
/ @asya.knows — «Эксмо», 2023 — (Темные архивы. Книги о
жутких экспериментах и практиках над людьми)

ISBN 978-5-04-186713-3

История общества — это не только войны и революции, экономика и политика, но и бытовая составляющая жизни. Люди, и богатые, и бедные, болели, верили в Бога, питались, работали, рожали детей, т. е. выполняли повседневные и рутинные занятия. За пять следующих глав книги, что вы держите в руках, мы побываем в обзорном путешествии по нескольким историческим эпохам и поговорим о том, каково это - **БЫТЬ МУЖЧИНОЙ. ЖЕНЩИНОЙ И РЕБЕНКОМ В ТЕ ВРЕМЕНА**. Иногда история предстает перед нами в неприглядном свете и раскрывает **ФАКТЫ, О КОТОРЫХ НЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ ЗНАТЬ**, но без этого всего у нас бы не было всех достижений для комфортной и безопасной жизни. Здесь вы узнаете **О ТОМ, ЧТО ОБЫЧНО УМАЛЧИВАЮТ ВСЕ КЛАССИЧЕСКИЕ УЧЕБНИКИ**. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 392

ББК 63.5

ISBN 978-5-04-186713-3

© @asya.knows, 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Введение	6
Глава 1	7
Беременность и роды	8
После родов	14
Акушерки	16
Аборты	18
Общественная жизнь	19
Как рожали королевы	20
Одежда	22
Отношение к детям	23
Уход за ребенком	26
Кормилицы	27
Пеленание	28
Глава 2	29
Болезни	30
Лечение	33
Подходы к воспитанию	35
Кормление и сон	37
Ночное недержание и коляски	39
Образование	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

@asya.knows

Неприглядная история

Как жили, любили и болели в разные эпохи

В оформлении обложки использована картина: Adriaan de Lelie «Adriaan de Lelie», 1809

© @asya.knows, текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Введение

В самом начале развития блога, когда у аккаунта @asya.knows было всего 100 подписчиков – да, когда-то было и такое, – мне пришло сообщение со следующим посылом: «Кому нужна ваша история? Скучно! Никому не хочется читать то, о чем вы пишете». Сейчас же в свет выходит книга, тематика которой, я уверена, будет интересна каждому читателю.

Иногда история нас пугает, иногда – шокирует, а иногда – удивляет.

Но она никого не оставляет равнодушным. За пять следующих глав мы с вами побываем в обзорном путешествии по историческим эпохам и поговорим о том, каково это – быть мужчиной и женщиной в разные эпохи. Как рожали детей, как люди росли, развивались, вступали в брак и выстраивали отношения? Мы затронем каждую из указанных тем.

Вы можете прочитать эту книгу от начала до конца, а можете выбрать только ту тему, что интересует вас больше других. От себя могу сказать лишь то, что рассмотрение вопросов с разных сторон дает нам шанс получить целостную картину.

История полна мифов – в особенности мифов о том, как в разные времена жили обычные люди. Пройдя этот путь и опровергнув множество исторических мифов, мы с вами узнаем, как все было на самом деле.

Глава 1

Материнство и роды

В современном мире – мире, где ценность детства постоянно возрастает, – сложно воспринимать мысль, что дети могут быть «шансом» или даже «инвестицией». Логика «чем больше детей – тем больше шансов на безбедное существование» тоже не так проста для понимания. Так или иначе, все это подводит нас к мысли о Средневековье, хотя в реальности нет никаких убедительных доказательств, что люди в то время мыслили подобными категориями.

Беременность и роды

Свои особенности у средневекового общества, разумеется, были, а беременность была окутана множеством суеверий (впрочем, как и сейчас). Существует один интересный французский текст XV века – *Les Evangiles des Quenouilles*¹, – в котором приведены народные верования, связанные с беременностью. Рассказчик-мужчина описывает встречи шести женщин, которые собираются на протяжении шести дней, чтобы поделиться своей мудростью. Считается, что этот текст – весьма точное изложение некоторых суеверий, занимавших умы крестьянских женщин той эпохи.

Некоторые из них могут показаться крайне странными, но даже те, что звучат выполнимо, проверять не рекомендуется.

Например, там упоминается следующая гипотеза: «Убедитесь, что у вашего мужа чистые ноги, когда вы спите вместе, иначе ребенок будет вонять всю жизнь». Странно, не находите?

Также считалось, что для зачатия мальчика мужчине во время полового акта нужно повернуть лицо на восток, а женщине – сжать руку в кулак. Предпочтительное время для такого полового акта – утро. Предполагаю, что все это не самые действенные методы как вместе, так и по отдельности.

А вот следующий тезис вполне логичен: нужно было убедиться, что ребенок не от священника или монаха/монахини, – это могло привести к разного рода проблемам (хоть в тексте и предполагаются проблемы со здоровьем, с большей вероятностью имеются в виду различные нравственные ограничения).

Пищевых суеверий в этом тексте тоже было достаточно. Например, запрещалось есть рыбы головы: это приводило к тому, что ребенок рождался со вздернутым носом. Еще нельзя было держать острые предметы (особенно мечи) рядом с беременной женщиной, но если это все же случилось, то полагалось коснуться плоской стороной меча головы беременной: чтобы ее успокоить и для придания ребенку смелости. Ну и, наверное, самый важный совет: давать беременным ту еду, которую они хотят. Актуально по сей день. Генрих VIII вот, например, потакал пищевым пристрастиям своей третьей беременной жены Джейн Сеймур, которая особенно любила перепелиное мясо.

Из советов по определению пола ребенка есть вообще удивительные: например, нужно спросить отца ребенка о том, что он чувствовал после акта зачатия.

Если ничего – будет мальчик, если же в течение нескольких дней было недомогание – девочка. Еще вариант: если мать чувствует недомогание в первом триместре, то будет девочка, если во втором – мальчик. К вполне безобидным советам можно отнести, например, интерес к рассказам о поединках и турнирах (ждать мальчика) или любовь к музыке и танцам (девочка), походку с левой ноги (девочка) или с правой (мальчик) и т. д.

Ритуал более странный: посыпать солью голову беременной женщины, когда та спит (знать об этом она не должна), а затем прислушаться к имени, которое она произнесет первым после пробуждения. Какое имя – таков и пол ребенка. А соль на голове, естественно, не вызовет подозрений, особенно учитывая сон в чепце².

Были в *Les Evangiles des Quenouilles* и советы о том, как заранее обеспечить ребенку счастливое будущее. Среди них, например, омовение головы вином после крещения, чтобы у ребенка были выющиеся волосы, или касание его мечом или кинжалом для придания храбрости до конца жизни. При этом носить ребенка левой рукой не советовали: так он мог стать левшой.

¹ *Les Evangiles des Quenouilles* (в пер. на рус. «Евангелия от прялки») – сборник средневековых сказаний, записанных Фукаром де Камбрэ, Антуаном Дювалем и Жаном д'Аррасом и опубликованных в 1480 году.

² Чепец для женщин выполнял те же функции, что и ночной колпак для мужчин – согревал голову во время сна.

От плохой смерти спасали, положив ноги мальчика на грудь отцу после рождения. Девочку же полагалось класть на грудь матери, чтобы ее тело никогда ее не опозорило. Прикосновение к голове ребенка пуповиной гарантировало долгую жизнь, приятное дыхание, хороший голос и элегантную речь.

Все эти советы – какими бы смешными или странными они ни казались – указывают на тот факт, что женщины заботились о своих детях и хотели обеспечить себе благополучную беременность. Вопрос в том, насколько этому способствовали условия.

Из-за того, что в Средние века рождение детей считалось естественным процессом, глубоко в этом направлении медицина не развивалась.

Некоторые интересные свидетельства все же есть: так, Тротула Салернская³, представившая основополагающий текст о женском здоровье, обсуждала возможные осложнения после родов, например разрыв между влагалищем и анусом, и рекомендовала зашивать его шелковой нитью. А Альдебрандин Сиенский⁴ в XIII веке советовал матери за 2–3 недели до родов купаться в воде, настоянной на травах, и смазывать ноги, бедра и влагалище ромашковым маслом и куриным жиром, чтобы облегчить деторождение. К позднему Средневековью появлялось все больше текстов с различного рода советами. Во время родов, например, могли прикладывать к бедру орлиный камень, поскольку считалось, что он ускоряет роды. Привозили их, как говорили, с Кипра или из Африки, но их было легко найти и в Лондоне. В частности, акушерка XVII века Джейн Шарп⁵ утверждала, что орлиный камень, висящий на шее, спасает от выкидышей.

Для облегчения родов существовали и религиозные амулеты. К таким относятся родильные пояса с амулетами и молитвами, которые использовались людьми абсолютно всех социальных слоев. Однако только матери королевской крови имели доступ к святейшим поясам – например, к поясу Богородицы, который хранился в Вестминстерском соборе. Этот пояс, кстати, был отправлен жене Генриха III Элеоноре Прованской⁶. Считалось, что благословенная Девой Марией реликвия уменьшала боль во время родов и при необходимости усиливала схватки.

Как ни странно, в традиционном католицизме считалось, что наибольшей силой обладало причастие, а потому епископы в тюдоровской Англии призывали женщин приходиться на исповедь. Некоторые даже считали, что польза от посещения мессы распространяется и на ребенка. Во второй половине XVII века причащались и перед родами, и после них: это было необходимо для успокоения души в подготовке к непредсказуемому исходу.

После Реформации церковь была неумолима к ритуалам: враждебность протестантов к отварам и амулетам объясняется целой кампанией за изменение нравов и борьбу с суевериями. В конце XVI века английских акушерок заставили поклясться не использовать никакого «колдовства» и доносить на любого, кто нарушал это правило.

Широко было распространено применение фитотерапии для ускорения или облегчения родов. В аптекарском огороде акушерки росли лилии, розы, цикламен, аквилегия, которые, как считалось, ускоряли роды и облегчали родовые муки. Травяные сборы включали средства, способствующие зачатию, для увеличения количества грудного молока, для уменьшения последа

³ Тротула Салернская, или Тротула де Руджеро, – женщина-врач, работавшая в Салерно, Италия. Написала множество работ о женских болезнях и их лечении, а также о косметике. В средневековой Европе ее тексты служили основным источником информации о женском здоровье.

⁴ Альдебрандин Сиенский – итальянский врач XIII века, автор трактата *Le Régime du corps* (Диета для тела). Работал в Италии и во Франции.

⁵ Джейн Шарп (1641–1671) – английская повитуха XVII века. Стала первой англичанкой, опубликовавшей книгу по акушерству *The Midwives Book: or the Whole Art of Midwifery Discovered* (в пер. на рус. «Книга акушерки, или Полное раскрытие искусства акушерства»).

⁶ Элеонора Прованская (1223–1291) – вторая дочь графа Прованса Раймунда Беренгера. Королева Англии (1236–1272). После смерти мужа осталась при дворе и занималась воспитанием внуков. Ушла в монастырь, где скончалась в 1291 году.

и т. д. Напечатанные сборники трав совершенствовались и переиздавались в XVI–XVII веках. Фактически это бесценные фармакологические справочники для аптекарей и врачей. В дополнение к традиционным (читать: безвредным) средствам добавился лауданум⁷ (в конце Елизаветинской эпохи), а в XVII веке, например, мальдивский орех⁸.

Травы являлись аналогом нынешних витаминов для беременных. Сюда относились шалфей, который женщины часто принимали, поскольку считалось, что он способствует сохранению плода. Акушерка Джейн Шарп рекомендовала прикладывать к пупку отвары пижмы⁹ и мускатного ореха, другие специалисты – пить сиропы на основе пижмы и шалфея. Все это, как правило, не вредило женщине, притом значительно ее успокаивая.

Большая часть подобных практик может показаться нам смешными или странными, но очень важно в таком случае понимать, что это всегда была попытка со стороны семьи, друзей и мужа защитить женщину и предоставить ей всевозможные средства для облегчения беременности, которые они только могли найти в те времена.

Много известно о смертности во время родов: статистика показывает, что во Франции 1420-х годов роды были причиной смерти каждой пятой замужней женщины. Главной убийцей была инфекция, вызванная задержкой плаценты.

Женщины, очевидно, не всегда делали точные предположения насчет своего положения, о чем свидетельствуют акушерки. Молодые женщины, рожавшие в первый раз, обычно были невежественны в вопросах беременности, поэтому не могли сказать, зачали они или нет.

Непонимание сути беременности приводило к тому, что женщины – а иногда и некоторые врачи – были убеждены, что она может длиться больше девяти месяцев.

В этом случае справедливо говорить и о существующих приметах, указывающих на ожидание мальчика или девочки, – в дополнение к уже названному. Например, блеск правого глаза женщины, припухлость ее правой груди, румянец на правой щеке – все это означало, что будет мальчик. Анализ мочи тоже играл свою роль: красноватый оттенок указывал на мальчика, белый – на девочку. В XVII веке на эти приметы хотя и опирались, но все же перестраховывались, признавая, что точно определить пол будущего ребенка невозможно.

Как показывает история, популярность астрологии совсем не нова. В XVII веке ее также использовали для предсказания пола ребенка и диагностики начала беременности. Популяризации астрологии в этой сфере поспособствовал Николас Калпепер¹⁰. Разумеется, полагаться на астрологию в вопросах деторождения – не очень хорошая идея. Большая просьба: не повторяйте это в домашних условиях!

Важно понимать, что мы имеем мало достоверных данных о культуре деторождения: мужья и священники вряд ли подозревали об огромном количестве существовавших ритуалов.

Руководства по родам в Новое время, конечно, имелись, но они не отличались оригинальностью и в значительной степени повторяли друг друга, полагаясь на теории древности и Средневековья. К тому же большинство книг подобного формата были написаны с целью рекламы.

⁷ Лауданум – опиумная настойка на спирту.

⁸ Мальдивский орех, или Сейшельский орех, или Морской кокос, или Коко-де-Мер, – гигантский кокосовый орех, символ Сейшельских островов. Пальма с этими плодами изображена на гербе страны.

⁹ Пижма до сих пор используется в фитотерапии и в народной медицине для лечения заболеваний печени, ЖКТ и нервных расстройств, для лечения гепатита и эпилепсии, как глистогонное средство.

¹⁰ Николас Калпепер (1616–1654) – английский фармацевт, ботаник, врач, а также автор и переводчик ряда работ по астрологии и медицине.

Некоторые публикации о родах были изданы женщинами, в первую очередь фирмой Энн и Сары Гриффин. Например, Сара Гриффин в 1663 году напечатала книгу Джона Оливера «Подарок для рожаящих женщин».

В книгах о женской анатомии и родах было важно удерживать тонкую грань между откровенностью и пошлостью. Из-за того, что книга могла привлечь внимание мужчин и перейти черту нравственности, в работах встречается очень образное описание женской анатомии.

Вероятно, аудитория большинства работ о женской репродуктивной системе состояла преимущественно из мужчин. Одна из таких работ, *The ladies dictionary* («Дамский словарь»), была рассчитана в первую очередь на них, поскольку включала даже записи о женской сексуальной анатомии (что было абсолютно непристойно!). Эротизация текстов заставляла ужесточать возможные рамки обозначения естественных процессов – родов, зачатия.

Говоря о мужчинах, нельзя сказать, что муж был лишь сторонним наблюдателем процесса беременности. Его задачей было заботиться о благополучии будущей матери.

В целом для беременных существовало много ограничений: рекомендовалось соблюдать умеренную диету, избавлять себя от сильных эмоций, чрезмерных физических нагрузок и шумов, воздерживаться от труда и в первые четыре месяца даже – как советовал Джон Пэчи¹¹ – избегать медицинских вмешательств вроде кровопускания.

В раннее Новое время все еще считали, что парам следовало ограничивать сексуальную активность во время беременности. Популярное руководство по родовспоможению советовало исключить сексуальный контакт в первые четыре месяца беременности; шестой и восьмой месяцы также считались опасными, так как в это время отмечалась высокая вероятность выкидыша.

На седьмом и девятом месяцах сексуальный контакт, напротив, не запрещался. Считалось, что к концу девятого месяца он способен приблизить момент родов.

В данном случае было важно очень четко просчитывать сроки беременности, что, как говорилось выше, давалось в те времена с трудом.

Такая сакрализация беременности, в частности, связана с угрозой выкидыша: им заканчивалось каждое второе зачатие.

Впрочем, и для женщин роды были одной из самых опасных угроз здоровью. «Лежание» все еще оставалось практикой дородового ухода, даже если ничего не свидетельствовало об угрозе жизни матери и будущего ребенка.

Инфекция – одна из самых распространенных причин смерти женщин после родов. Мытье рук и смена белья вошли в обиход лишь с 1840-х годов, благодаря чему уровень смертности снизился в несколько раз.

Физическая сторона рождения детей отсутствует в описаниях XVIII века. Во времена Тюдоров считалось, что на беременность указывает моча, окрашенная в цвет от бледно-желтого до белого с мутной поверхностью.

Определение беременности сопровождалось большим количеством ошибок, но менструации так и не обрели статус достоверного признака.

Кстати, рвота, отвращение к мясу и тяга к странным вещам тоже считались признаками беременности. Руководства по акушерству были в этом не помощники: они обходили стороной вопрос об установлении беременности. Шотландский хирург Джон Эйткен¹² в своем трактате о

¹¹ Джон Пэчи (1655–1716) – детский врач.

¹² Джон Эйткен (1839–1919) – доктор медицины и первый заочный преподаватель медицинских предметов в Эдинбурге с момента основания Эдинбургской медицинской школы в 1726 году. Он внес изменения в способ фиксации акушерских щипцов, упрощая их использование для врачей и минимизируя вероятность летального исхода во время родов.

физиологии послеродового периода писал, что раннюю стадию беременности (3–4 месяца) не всегда легко обнаружить. Другие мужчины-акушеры только подтверждали это мнение. Маргарет Стивен, практикующая акушерка, называла признаками беременности тошноту, частое мочеиспускание и повышенный аппетит, но все же подчеркивала, что эти симптомы могут проявляться и у женщин, не вынашивающих дитя. Все тексты сводились к одной идее: женщина должна сама распознать беременность на раннем сроке, прислушиваясь к изменениям в своем состоянии, поскольку признаки, которые мог бы отметить врач, неочевидны.

Но где эти знания взять? Конечно, в первую очередь мог помочь эмпирический опыт – рождение братьев и сестер, беременность соседней. Сюда же можно отнести участие в беседах и встречах. В некоторых общинах незамужние женщины принимали в них участие, что способствовало лучшему пониманию репродуктивного процесса. Женщины из высших слоев общества тоже наблюдали за опытом друг друга: например, в письмах Фрэнсис Ингрэм¹³ и Сьюзен Стюарт содержатся новости о родовом опыте знакомых им женщин.

Самый важный момент в этом опыте – ощущение толчков ребенка. При этом женщины, которые готовились родить впервые, могли попросту не распознать это ощущение. После ощущения движений ребенка мать могла попытаться предсказать дату своих родов. Женщины сталкивались с ощущением, что плод завладел их телом, – так описывала свой опыт Фрэнсис Ингрэм. Эта идея была весьма распространена: роды в XVIII веке – это фактически часть телесного жертвоприношения матери.

Один из самых серьезных мифов, которые нужно развеять, – убеждение, что все женщины рожали в кровати. Важно, что от региона к региону существовали различные традиции, и, помимо кровати, матери могли рожать на родильном стуле, с опорой на стул, стол или кровать, а также стоя на коленях, наклонившись. Некоторые акушерки рекомендовали для удобства подкладывать под груди подушки. Использование родильного стула пропагандировалось еще с XVI века, но и к концу XVII века, по утверждению одного писателя, их использовали редко. Если женщина рожала на кровати, то та стояла так, чтобы вокруг нее можно было свободно ходить; идеально – если она будет стоять близко к камину, чтобы было тепло, но достаточно далеко от двери во избежание сквозняков. Все это общие советы, однако реальная практика их применения для нас все еще остается загадкой: слишком мало данных.

Интересно, что роды в раннее Новое время в Англии проходили в закрытой комнате с приглушенным светом, в то время как смерть сопровождалась распахиванием дверей.

Медицинские стандарты того времени гласили, что роженицу нужно защищать от холодного воздуха, а потому окна и двери комнаты должны быть плотно закрыты. Комната становилась «утробой» – теплым, темным, комфортным местом, в которое не могли «пробраться злые духи».

Большинство женщин действительно рожали дома, но некоторые из них – особенно те, кто ждал первого ребенка, – делали это в родительском доме, в комфортной для себя обстановке.

На рубеже веков многие современные достижения, которые стали для нас привычными, все еще были недоступны даже для самых привилегированных женщин начала XIX века. Эфир в качестве анестетика впервые был использован при родах только в 1847 году, а до этого времени естественные роды были единственным вариантом. Но с анестетиком следовало быть осторожным. Доктор Джеймс Симпсон¹⁴, например, применил слишком большую дозу эфира,

¹³ Фрэнсис Ингрэм (1734–1807) – незаконнорожденная дочь богатого спекулянта, вышедшая замуж за виконта Ирвина в 1758 году. Была влиятельной аристократкой, несмотря на удаленность от центра жизни высшего света – Лондона. Имела переписку с различными влиятельными членами общества, в том числе с несколькими премьер-министрами и их женами.

¹⁴ Сэр Джеймс Янг Симпсон (1811–1870) – шотландский акушер, гинеколог и хирург, профессор акушерства в Эдинбурге.

из-за чего рожавшая пациентка потеряла сознание и не могла выполнять команды врача. А доктор Джон Сноу¹⁵ (принимавший в том числе роды у королевы Виктории) использовал всего несколько капель хлороформа, что позволило будущей матери избавиться от боли, но вместе с тем остаться в сознании.

Роды на самом деле выходят далеко за рамки физических требований – поставить кровать, пригласить акушерку и т. д. Поэтому сама идея о том, что о родах много не думали, маловероятна. Напротив, в разные эпохи у людей был целый список вещей для обеспечения безопасной и – насколько это возможно – комфортной обстановки во время родов. В этом процессе играли роль и знания, и физическое окружение, и вещи, и четкая последовательность действий.

Он был вторым человеком, применившим эфир в качестве наркоза во время операции.

¹⁵ Джон Сноу (1813–1858) – английский врач, отец эпидемиологии. Внес вклад в развитие анестезиологии, исследовав применение эфира и хлороформа.

После родов

Патриархальные христианские нормы – по крайней мере, те, что можно рассмотреть на примере Англии раннего Нового времени, – содержали в себе важную политику отцовства. Каждый ребенок должен знать своего отца. В практике даже бастардам позволялось получать наследство по завещанию. Отец давал ребенку имя, происхождение, положение.

К сожалению, наибольшее количество бастардов было среди слуг. Женщина, работавшая домашней прислугой, могла забеременеть от своего хозяина или от других слуг, и средний возраст такой матери – около 20 лет. На самом деле они часто были жертвами ложных обещаний или разорванных брачных соглашений. Можно говорить, что до четверти всех невест были беременны на момент бракосочетания, то есть в сексуальные отношения вступали еще до брака, а, поскольку брачное соглашение могло быть неофициальным, никаких гарантий исполнения обязательств попросту не было.

Рождение внебрачных детей вело к наказанию со стороны как светских властей, так и церковных.

Для отца это содержание внебрачного ребенка, для матери, которая, в общем-то, была пострадавшей стороной, – порка и публичное унижение. Ее наказание могли ужесточить, если она не называла отца ребенка. Акушерка в случае появления на свет незаконнорожденного ребенка стремилась выяснить имя отца (благодарности от мужчины она за это, конечно, не получала).

В процессе родов самое деликатное – перерезание пуповины. Некоторые люди даже считали, что будущий размер и объем половых органов напрямую зависит от того, насколько плотно акушерка перевязала пуповину. Пупок – показатель фертильности. Женщины после родов осматривали пупок ребенка, чтобы предсказать его будущее: по количеству морщин определяли число будущих детей. Медики, конечно, не подтверждали резонность этого суеверия. Для защиты пупка ребенка использовался порошок из алоэ и ладана. Квалифицированная акушерка осматривала ребенка, мыла его в теплой воде, пеленала и укладывала в колыбель. Врач Елизаветинской эпохи рекомендовал купать новорожденного в воде и молоке в соотношении 10:1 с добавлением масла мальвы или сладкого сливочного масла.

Только что родившей женщине полагалось отдыхать и поправляться. Уже известная нам акушерка Джейн Шарп советовала три дня оставаться в темной комнате, поскольку глаза роженицы были слабы. Врачи соглашались, что нет ничего хуже для матерей, чем холодный воздух, который мог простудить матку. Священники тоже считали, что новоиспеченной маме требуется много времени для восстановления сил.

В первые часы после родов акушерка предлагала укрепляющие напитки, бульоны и настойки, чтобы ускорить выздоровление матери, а также повязки и мази для снятия воспаления.

Одно из важных замечаний – табуированность половых органов. По сути, после родов мать не могла пожаловаться на вагинальную боль, поскольку не знала ее характеристик. Это вызывало ассоциации с чрезмерной сексуальной активностью или беспорядочными половыми связями (что зачастую не соответствовало действительности). Вместе с тем даже само название половых органов табуировалось, поскольку возможные варианты либо были нецензурными, либо подразумевали очень абстрактное название вроде «интимного места».

Об окончании успешных родов сигнализировало полное завершение всех ритуалов: мать и младенец должны быть вымыты, одеты и уложены в постели для отдыха. Некоторые акушеры использовали для этого мыло и воду, многие одобряли традиционное использование спирта. После мытья ребенка проверяли на наличие травм. Конечности и голову массировали для

выпрямления: это позволяло исправлять незначительные дефекты. Пуповину заворачивали в мягкую льняную ткань и складывали на животе ребенка, после чего младенца пеленали.

О матери тоже нужно было позаботиться. Самым важным было извлечение плаценты, после чего на половые губы матери накладывали теплый компресс. Считалось, что это снимает болевые ощущения и уменьшает вероятность развития инфекций. Также одним из советов было лежание на боку с подушкой между ног, чтобы прийти в себя. Если женщина была слишком слаба, то ее могли перенести на простыне в кровать. На протяжении всего XVIII века нормальной практикой было перевязывание живота: считалось, что это необходимо для поддержки травмированной матки и предотвращения увеличения желудка после родов. Это делали с помощью полосок ткани, называемых валиками.

Важным элементом взаимного общения женщин друг с другом на протяжении многих веков было посещение друг друга после родов. И это несмотря на то, что в XVIII веке много говорилось о необходимости отдыха и уединения для обеспечения здоровья матери и ребенка (оптимальным периодом называли 10–15 дней; кто-то советовал в это время закрывать уши ватой, чтобы не отвлекаться на посторонние шумы). Получается, что визиты были неотъемлемой частью жизни новоиспеченной мамы.

Роженицы освобождались от эпистолярных условностей и в последние недели беременности могли прекратить переписку, возвращаясь к ней в среднем через две недели после родов. Для женщин, принадлежавших к высшим слоям населения, возобновление переписки означало их способность вернуться к своим публичным обязанностям.

Период лежания после родов давал женщине главное: возможность отдохнуть и восстановиться после тяжелых для организма испытаний. Отдых подразумевается не только физический, но и эмоциональный (в случае потери ребенка – возможность иметь время для скорби). Если молодая мать быстро приходила в себя после родов, то она могла вернуться к домашнему хозяйству. Так и поступила уже знакомая нам Фрэнсис Ингрэм.

Хотя секс в браке и считался приемлемым, несмотря на множество ограничений, таких как разрешенные дни, благочестивые мысли и прочее, деторождение было процессом с оттенком греха, так как начиналось всегда с похоти (вспомните хотя бы заблуждение, что женщина не может зачать без достижения оргазма). В результате рожавшим женщинам было запрещено посещать церковь, пока они не пройдут очищение. Воцерковление происходило через 40 дней после родов, и лишь тогда молодая мама снова могла посещать мессы. Это было целым ритуалом, который включал в себя встречу со священником на крыльце для окропления святой водой, подношение и собственно посещение мессы.

В Италии в XIV–XVI веках были распространены подносы для рожениц. После успешных родов роженице подносили специально изготовленный поднос, накрытый тканью и нагруженный едой (а иногда и небольшими подарками). Подносы после можно было повесить на стену как произведение искусства (и в напоминание об успешном деторождении). Лоренцо Медичи хранил поднос, подаренный его матери в честь его рождения, в личных покоях до самой смерти.

Акушерки

Роды в Средневековье было невозможно принять без помощи акушерки. При этом они выполняли не только свои прямые функции – от них ожидалась роль моральных арбитров, следящих за случаями незаконного деторождения и детоубийства. Их собственное поведение тоже подвергалось тщательной проверке. Французские и немецкие акушерки, как правило, имели профессиональную подготовку и официально нанимались городскими властями, в отличие от своих английских коллег, у которых было и меньшее жалование, и даже обвинения в колдовстве (так, в 1481 году английскую акушерку Агнесс Маршалл обвинили в использовании заклинаний). Конечно, медиков к процессу деторождения тоже привлекали, но это было уделом аристократок – и то не всегда. Бланка Анжуйская, жена Хайме II Справедливого, королева Арагона, все 10 раз рожала под наблюдением медиков (однако все равно скончалась вскоре после рождения последней дочери).

До XVIII века роды оставались исключительно женским делом, но в 1700-е годы в акушерстве произошла революция – в профессию пришли мужчины. В 1764 году даже британская королевская семья допустила мужчин к родам: Уильям Хантер был назначен акушером королевы Шарлотты.

Существовало четкое разделение обязанностей: акушерка оставалась с женщиной в случае, если роды проходили гладко, а мужчины-акушеры вызывались в основном в случае осложнений, требующих использования медицинских инструментов.

К сожалению, некоторые вмешательства подобного рода не сулили ничего хорошего. Уильям Хэй, уважаемый высококвалифицированный акушер, несколько раз был вынужден прибегать к расчленению младенца в родовых путях. Его заметки отражают всю жестокость этой процедуры. Шестого февраля 1760 года он принимал роды у жены Исаака Вуда. Ребенок был мертв, а его головка – прижата к краю таза. Он ввел два пальца во влагалище женщины и провел по ним длинными ножницами, которые вонзил в головку. После этого он использовал тупой крюк, помогая руками, чтобы проломить череп младенца. Подобного рода операции продолжались на протяжении всего XVIII века, хотя с появлением медицинских щипцов их применение существенно сократилось. Опасность такого метода заключалась в первую очередь в возможных внутренних повреждениях женщины, которые давали осложнения, в том числе и при последующих родах.

Очень часто в исторической литературе встречается демонизация акушерок, однако отождествление их работы с колдовством и похабщиной и характеристика их как некомпетентных и невежественных не соответствует действительности.

Но и попытки рассматривать их как жертв патриархата тоже в корне неверны. Акушерки не боролись с властью. Их связь с языческой религией и соответствующими обрядами тоже сомнительна: нет никаких убедительных доказательств, что дела обстояли именно так. Сюда же отнесем и ассоциацию акушерства и колдовства («все акушерки – ведьмы»): напротив, власти нанимали акушерок для осмотра тел подозреваемых в колдовстве на предмет колдовских меток. Акушерки часто оказывались нравственным стержнем, следящим за общественными приличиями. Так, в 1573 году Кентерберийский церковный суд принял решение, основываясь на свидетельстве акушерки о беременности одинокой Агнес Холлуэй.

Свидетельства об Англии эпохи Тюдоров и эпохи Стюартов говорят, что акушерки – законопослушные, уважаемые, религиозные замужние женщины или вдовы, которые высоко ценились местным сообществом. Лондонские акушерки XVII века были женами ремесленников, городских чиновников или даже аристократов. Спад статуса акушерства пришелся

только на XVIII век. Большинство врачей эпохи Возрождения полагались на акушеров при обычных родах и оказании первой медицинской помощи. Жаловались ли врачи на невежество представителей этой профессии, проверить трудно, но многие отмечали, что акушерки прекрасно справлялись со своими обязанностями.

Представительницы этой профессии заботились о состоянии роженицы: давали указания, как нужно расставить мебель, какая температура должна быть в комнате, каким должен быть свет. Акушерка, как и роженица, снимала с себя все кольца и браслеты. С ней всегда были мази, травяные настои, припарки и целый арсенал других средств, который помогал облегчить состояние ее подопечной. Акушерка купала будущую мать, обтирала, вела с ней беседы, давала ей укрепляющие напитки.

Стоит отметить, что деревенские акушерки не опирались на какие-либо трактаты: во-первых, по большей части из-за неграмотности, во-вторых – их знания основывались на опыте.

Среди городских акушеров уровень грамотности был выше, и они, несомненно, могли читать некоторые публикации, но, опять же, в первую очередь опирались на практический опыт и существовавшие обычаи. Кроме того, акушерки учились друг у друга.

Работа акушерки по большей части состояла в надзоре, потому что господствовало мнение, что нужно позволить природе самой управлять течением родов.

В Англии акушерки должны были получать лицензию на свою деятельность. Вероятнее всего, эта процедура появилась при Генрихе VIII и его дочерях. Закон 1512 года возложил на епископов функцию выдачи лицензии врачам-мужчинам. Женщины-акушерки тоже попадали под ведение церкви: чтобы получить лицензию, необходимо было убедить священников в своей религиозности и доказать хорошую репутацию, а также заплатить небольшую сумму. Лицензия не подразумевала соответствия стандартам медицинских знаний, а была способом отсеять тех, кто не придерживался существующих норм, руководствуясь суевериями. Акушерки могли крестить ребенка в экстренных случаях. Именно поэтому церкви в период правления Генриха VIII было важно упорядочить данную практику, отделив ее от суеверного наполнения. При Елизавете I мнение о допуске акушеров к крещению разделилось: одни высмеивали такую традицию, другие не желали подвергать опасности души некрещенных детей. В XVII веке крещение акушерками стало куда менее распространенным, поскольку эту роль взяли на себя священнослужители.

Акушерка тем не менее должна была придерживаться определенных правил: быть готовой помочь каждой женщине вне зависимости от ее финансового положения, не позволять ей лгать об отце ребенка, притворяться беременной или выдавать чужого ребенка за своего, а также не колдовать, не выманивать деньги, убеждаться в погребении мертворожденного и доносить на других акушеров в случае их подозрительного поведения.

Теоретически это звучит достаточно правдоподобно, но в реальности регулирование акушерства происходило беспорядочно, поскольку многие женщины работали без лицензии.

Аборты

Информация об абортах в текстах раннего Нового времени указывает, что они могли быть вызваны как естественными, так и сторонними причинами. Можно даже сказать, что это было общеизвестно: за абортацией можно было обратиться к «мудрым женщинам» или, предпочтительно, к акушеркам. Так, леди Грейс Милдмей¹⁶ описала лекарство на основе тропического растения гваякум¹⁷, подчеркивая при этом его опасность для жизни плода.

В общем и целом прибегающих к советам «мудрых женщин» было несложно найти.

Когда простолюдинка Элизабет Френсис из Челмсфорда столкнулась с нежелательной беременностью в 1560-х годах, она обратилась к некоей бабушке Еве, которая велела взять определенную траву и выпить отвар на ее основе, в результате чего Элизабет спровоцировала выкидыш. Еще одна история гласит об употреблении напитка на основе драконьей травы (тархуна). Эта практика сохранялась вплоть до XIX века: в те времена в Фенленде, Кембриджшир, жила некая бабушка Грей из Литтлпорта, которая давала беременным таблетки из болиголова, мяты пеннироял и руты. Многие из перечисленных средств обладают противоэстрогенными свойствами. Некоторые аптекари – это известно из судебных протоколов XVII века – тоже продавали подобные средства. Судебный протокол от 1638 года свидетельствует о деле Лидии Даунс, которая даже прибегла к употреблению ядовитого крысиного аконита для избавления от ребенка.

Для прерывания нежелательной беременности женщины могли действовать прямо противоположно предписанным правилам. Сильно зашнуровывать корсет, подвергать себя физическим нагрузкам или стрессам – все это было частью ритуала абортации.

Практикующие врачи могли давать советы со своей стороны – кровопускание, рвота, лекарства на основе лавра, марены, перца, шалфея и можжевельника. Что интересно: врачи сначала описывали эти способы, а потом говорили о возможных угрозах и предостерегали от их использования.

Предупреждение об abortивных эффектах тех или иных трав начали появляться во многих сборниках. Среди них упоминались, в частности, молочай, боярышник, пустырник, петрушка, полынь, марена, трилистник, морозник, можжевельник. Ирис вонючий был известен как общеукрепляющее средство с abortивным эффектом: его советовали пить с вином – так он вызывает кровотечения – либо помещать в ванны, чтобы женщина могла, посидев в них, спровоцировать преждевременные роды. Цикламен¹⁸, который использовали для облегчения сильных болей при родах, при применении на ранних сроках беременности мог иметь негативные последствия.

¹⁶ Грейс, леди Милдмей (1552–1620) – английская дворянка, мемуаристка и практикующий врач. Занималась врачеванием членов своей семьи и многих других, а также обладала обширными знаниями медицинской теории. В список ее трудов входят мемуары и медицинские статьи.

¹⁷ Растение, произрастающее в Западной Индии, Южной и Центральной Америке. Эфирное масло этого дерева зачастую применяется в гомеопатии, оно обладает противовоспалительным, антиаллергическим, успокаивающим, слабительным, отхаркивающим и прочими лечебными свойствами.

¹⁸ Цикламен, или альпийская фиалка, или дряква, – многолетнее клубневое травянистое растение семейства Первоцветные.

Общественная жизнь

Среди высших слоев населения добрая беременность была редким явлением: во многом потому, что девочки находились под строгим контролем. В среднем классе это также встречалось нечасто. В любом случае выходов была два: быстрый брак с соблазнителем или тайные роды с последующим усыновлением ребенка. Среди рабочих многие женщины могли забеременеть вне брака, но из-за страха потерять работу беременность приходилось скрывать.

В некотором смысле для женщин Викторианской эпохи роды были актом служения своим мужьям и семье. Многие богатые семьи желали получить наследника. Для бедных дети – возможность получить рабочие руки для работы на ферме, в семейном магазине и в качестве домашней прислуги.

Отстранение от социума у беременных женщин в Георгианскую эпоху не происходило одномоментно. В первую очередь срок определялся представлениями о собственном самочувствии.

Женщины из высших и средних слоев общества имели возможность раньше отстраниться от социальных обязательств, в то время как женщины из нижних слоев работали вплоть до начала схваток.

В Викторианскую эпоху сам процесс подготовки к родам имел важную социальную составляющую для аристократических семей: совершаемая за несколько недель до уединения поездка в Лондон ставила своей целью обнародовать ожидание ребенка (а также провести время с друзьями). В это время готовился дом, в котором женщина проведет несколько недель на поздних сроках беременности и после родов.

В Лондон ездили не все, поэтому женщины могли сами отремонтировать комнаты и сменить мебель в доме, чтобы подготовиться к новому жизненному этапу. Кровати, на которых рожали, были легкими и портативными. И да, это была не супружеская кровать. Одна из причин – укрепление ценности благоразумия и придание родам духовного смысла, поскольку кровать, на которой ребенок был зачат, все же нарушает эти ценности.

Как рожали королевы

На самом деле ничего невероятного в этом не было. Более того, королевские роды – это публичное мероприятие. Известно, что на родах королевы Франции и Наварры Марии-Антуанетты присутствовало почти 200 человек. В число «очевидцев» входили чиновники и слуги, чья задача состояла в засвидетельствовании того, что никакого подлога не было и ребенок родился живым и здоровым.

Подарки от отцов на рождение ребенка – тоже стародавняя традиция. Эдуард IV, ослепленный рождением первенца – девочки! – подарил жене Елизавете Вудвилл украшение из драгоценных камней.

Все королевство молилось о своей правительнице во время ее беременности.

Так, например, известно о печати в 1605 году около семи вариантов молитвы за королеву Анну Датскую (жену Якова I¹⁹) с просьбой уберечь ее от мук, связанных с родами. После рождения ребенка в том же году вышел молитвенник с благодарственными молитвами за благополучные роды. Во время правления Карла I²⁰ народ также просили присоединиться к молитве о королеве Генриетте Марии Французской, когда она вынашивала долгожданного здорового ребенка.

Выбор имени тогда был не менее сложной задачей, чем сейчас. Чаще всего практиковалось повторное использование королевских имен, но были и такие, что несли за собой дурную славу, например имя Иоанн (Джон), поскольку так звали Иоанна Безземельного, считавшегося одним из худших английских правителей.

А вот парные роды все-таки современный тренд. Даже в XIX – начале XX века присутствие при родах мужчины было необычным явлением. Хотя, например, считается, что принц Альберт присутствовал при родах своей супруги королевы Виктории.

Грудное вскармливание на практическом уровне было формой контрацепции: если королева хотела – и должна была – вскоре снова зачать, то грудное вскармливание не рекомендовалось. Считалось, что грудное молоко свернется, если супружеские отношения начнутся до отлучения ребенка от груди. Да и вообще, грудное вскармливание королевского ребенка – прибыльное дело. Кормилица Генриха VIII Анна Оксенбридж получала за свои обязанности 10 фунтов стерлингов в год²¹. За кормление дочери королевы Виктории кормилица получила 1000 фунтов стерлингов.

А что, если у королевы родятся близнецы? К ним применялись те же правила первородства: даже если первый ребенок старше всего на несколько минут, именно он наследовал трон. Король Шотландии Яков II (1430–1460), например, имел старшего брата-близнеца Александра, но тот умер, не дожив до своего первого дня рождения.

К сожалению, существует множество историй о том, как во время родов что-то шло не так. Ричард Крофт был ведущим акушером начала XIX века. Когда принцесса Шарлотта Августа Уэльская²² вновь забеременела после двух выкидышей, принимать роды пригласили именно его. На время родов Шарлотта вместе с супругом решили остаться в загородной резиденции. В понедельник, 3 ноября 1817 года, в 19:00 у принцессы начались схватки – из Лондона были вызваны члены Тайного совета. Они разместились в библиотеке, примыкающей к комнате принцессы. К Крофту и акушерке вскоре присоединился личный врач принцессы Мэтью

¹⁹ Король Шотландии (1567–1625) и первый король Англии из династии Стюартов (1603–1625).

²⁰ Карл I – король Англии и Шотландии из династии Стюартов, правивший в 1625–1648 гг.

²¹ Примерно 5000 фунтов стерлингов на сегодняшний день, что эквивалентно приблизительно 420 тыс. рублей.

²² Августа Уэльская – дочь Георга, принца Уэльского, (будущего Георга IV) и Каролины Брауншвейгской. Единственная законнорожденная внучка Георга III. Ее смерть стала национальной трагедией.

Бейли, который вызвал другого акушера, Джона Симса. Крофт не позволил Симсу стимулировать роды принцессы. Врачи согласились, что медленные роды были нормальными, а принцесса имела достаточно сил, и от использования медицинских щипцов врачи отказались.

Спустя 50 часов, в 21:00 5 ноября, принцесса родила мертвого мальчика. Его пытались реанимировать с помощью теплой ванны, но все было тщетно. Шарлотта, измотанная продолжительными родами, съела куриный бульон, тост и выпила стакан портвейна. Чуть позже пришлось снова вызывать врачей, поскольку состояние принцессы стремительно ухудшалось. Она приняла лауданум, но это не помогло: ей было трудно дышать, пульс стал нерегулярным, температура тела упала. Кроме того, у нее открылось кровотечение. В 02:30 ночи 6 ноября 1817 года принцесса Шарлотта умерла. Хотя королевская семья не винила Крофта в смерти принцессы, общественность роптала и требовала должных показаний от врачей. В конечном счете Крофт покончил с собой.

Одежда

В рамках этого рассуждения можно провести параллель между беременностью и идентичностью, выражаемой через одежду. Важно, что беременных женщин было трудно одевать. Во-первых, ткани были дорогими, а одежда шилась вручную, а потому переделка одежды была привычным явлением (в этом сериалы нам не врут). Наряды перекраивали так, что их можно было носить еще долгое время. На более поздних сроках беременности связь между телом женщины и ее одеждой нарушалась. Привычные модные силуэты, делающие акцент на женственности и фигуре, становились фактически ненужными. Женщина находилась в некой пограничной зоне, которую определяло состояние ее тела, – ее нельзя было назвать ни больной, ни здоровой. Естественно, по мере приближения родов женщины переставали использовать одежду как инструмент моделирования формы тела. Свободный крой, скрывающий беременность, заставлял будущую мать оставаться дома, а также был признаком материнской любви и самопожертвования, что демонстрировало хорошее самочувствие матери и отсутствие у нее тщеславия.

Регулировать корсет – неотъемлемую часть жизни женщины – на поздних сроках беременности удобнее всего было с помощью боковой шнуровки.

В XVIII веке женщины заказывали себе мягкие корсеты, шнуровка у которых как раз находилась по бокам и спереди. Они имели форму, которая подразумевала наличие большого живота у беременной женщины. Дело в том, что корсет – атрибут респектабельности для женщин из средних и высших слоев. Поэтому, если женщина хотела выглядеть достойно, ей было необходимо надевать корсет. А если затянуть корсет на себе было уже невозможно, то полагалось оставаться дома или наносить только неофициальные визиты семье или близким друзьям.

Эмма О’Тул в своем исследовании доказывает, что некоторые женщины носили дома ночные рубашки поверх свободно завязанных корсетов на последних сроках беременности, в то время как другие не использовали корсеты вообще: если подразумевались только неофициальные визиты в дом к беременной хозяйке, то это было допустимо.

Отношение к детям

Для англичан XV–XVI веков дети точно не были «цветами жизни». В Англии того времени к ним относились скорее с брезгливостью²³. Определим возрастные рамки: ребенок в данном контексте – человек от 0 до 7 лет. Его место в социальной иерархии было очень низким. Сегодня поговорки, которые были в обиходе англичан, нам покажутся по меньшей мере пренебрежительными: «Мужчина не должен полагаться ни на сломанный меч, ни на дурака, ни на ребенка, ни на привидение, ни на пьяницу».

Может возникнуть вопрос: «Были ли исключением королевские дети?» Нет, если это была девочка – тогда интерес к ребенку со стороны влиятельных родственников был не слишком высоким. В качестве примера может послужить дочь Генриха VIII от Анны Болейн, будущая королева Елизавета I. Для короля рождение еще одной дочери стало национальной катастрофой. Он не посетил крестины Елизаветы, не заказывал совместные портреты – словом, был не очень любящим отцом.

Положение детей может показаться безнадежным, но это не совсем так. В Англии XV–XVI веков ребенок считался невинным существом. В обществе даже говорили такую фразу: «Львы не нападают на невинных, включая детей».

Именно поэтому похороны ребенка – особый ритуал. Его погребали в белом наряде, в белом гробу, а сам гроб несли женщины в белых одеждах, держащие ручки гроба белыми салфетками. Естественно, мертвый ребенок попадал сразу на небеса, если он был крещеным. Среди младенцев – как уже не раз упоминалось – смертность была очень высокой.

Возвращаясь к теме положения ребенка: в состоятельных семьях он становился некоторым объектом демонстрации финансового благополучия. Качество жизни ребенка напрямую зависело от того, как за ним ухаживали, а хороший уход могли себе позволить немногие – в основном аристократия и королевская семья. В работах Томаса Фаера²⁴ поднимается эта тема: он лечил детские заболевания и считал, что он «здесь, чтобы делать добро тем, кто больше всего в нем нуждается, то есть детям». Файр верил, что дети заслуживают самого качественного медицинского осмотра, и старался сделать «сокровища, которые есть на других языках», доступными для начинающих и малоопытных врачей. Под «сокровищами» он подразумевал арабские и европейские медицинские труды. Считая детей отличными от взрослых, Томас Файр выявил ряд психических заболеваний, которым подвержены преимущественно дети, называя их «живыми и опасными болезнями». Файр был прогрессивен в лечении и некоторыми своими открытиями опередил свое время, однако развитие педиатрии не стало преградой на пути суеверий.

Во главе воспитания детей стояла дисциплина. «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его»: библейское изречение в XV веке в Англии трансформировалось в поговорку: «Тот, кто шадит Двор²⁵, ненавидит своего ребенка». Жены и дети считались, по сути, объектами, которыми глава семьи в лице отца мог распоряжаться как угодно. Физическое наказание было абсолютной нормой – таким образом родители рассчитывали добиться от детей послушания и уважения. Юридически отцы имели право на такой подход, поэтому случаи, в которых родители перегибали палку и просто наслаждались избиванием детей, имели место. Конечно, физическое наказание и их не обходило стороной. Подобное воздействие на ребенка – естественный процесс.

²³ M. J. Tucker. The Child as Begging and End: Fifteenth and Sixteenth Century English Childhood.

²⁴ Томас Фаер (также пишется Файр, Файер) (ок. 1510 – 12 августа 1560) был английским юристом, педиатром и писателем.

²⁵ Двор в значении своей собственности, земли, а не как мера измерения.

Более того, большинство детей сами воспринимали физическое наказание как процесс, за который должны быть благодарны, потому что так родители старались наставить их на верный путь.

Неужели у английских детей XV–XVI веков не было детства в привычном для нас виде? Неужели они не играли в игры, не общались со сверстниками? Конечно, все это было, но в целом общество просто не задумывалось о развлечениях для детей. Чаще всего ситуация обстоит иначе: дети были приобщены ко взрослым утехам с малых лет. Изображения деревенских праздников демонстрируют нам все разнообразие развлечений среди взрослых – и дети везде находятся рядом (достаточно взглянуть на картины нидерландского живописца Питера Брейгеля Старшего, например).

Все же за период с 1399 по 1603 год взгляды на детей в Англии очень изменились: больше внимания начали уделять уходу за ребенком и его благополучию. Прежним осталось одно: привитие дисциплины и уважения к старшим.

С дефекацией и приучением ребенка к горшку в те времена возникали сложности. По большому счету никакого контроля в отношении места для справления ребенком нужды не было, даже в королевских семьях. Конечно, наследникам престола предоставляли «специальное оборудование» для этого естественного процесса, однако если погода позволяла, то ребенок вполне мог воспользоваться двором. Можно найти даже упоминания того, как дети состоятельных семей справляли свою нужду в коридорах и на лестницах помещений. Звучит, на первый взгляд, даже мифично, но это не так. Дело в том, что аристократы часто занимались спортом прямо в коридорах дворцов и замков, поэтому особой разницы между улицей и домом (мы сейчас говорим о коридорах и лестницах, естественно) они не видели.

По мере того как ребенок взрослел, одной из проблем его воспитания становился выбор вида наказания. Если традиционная порка уже не вызывала особых эмоций, то можно было рассмотреть несколько более изощренных вариантов воздействия на детей. Например, в качестве устрашения по периметру королевского двора Людовика XIII ходили пугающие фигуры в виде одноглазого рыцаря и жуткого каменщика. Рыцарю, к слову, было дозволено угрожать маленькому своевольному Луи кастрацией – естественно, няня уже объяснила мальчику, что это такое. Более хитрые методы использовались в женских монастырях: там вместо порки на них воздействовали ментально – в случае нарушения правил или непослушания на девочек надевали таблички с их пороками, награждая их такими званиями как «ленивая», «врунья», «жадная» (куда более действенно, чем просто розги).

В целом во Франции XVII века наблюдается интересная тенденция: вместо того чтобы наказать ребенка физически, на него стараются воздействовать так, чтобы он испытал чувство вины – вариант куда более гуманный с телесной точки зрения. Религиозность образования позволяла осуществить это посредством молитв. В противовес необходимости соответствовать стандартам взрослых теперь воспитание было направлено на духовное, внутреннее развитие ребенка как личности. Дисциплина, конечно же, никуда не ушла, скорее даже ужесточилась, и в школах стали внимательнее следить за манерами, поведением, мимикой и речью детей. Конечно, все это касалось эталонного подхода к воспитанию детей, чьи родители могли позволить себе их обучение в школе. Однако существовала и «темная» сторона отношений с детьми.

Бедняки, к сожалению, с детьми не любезничали. Смертность в этом слое общества была ощутимо выше, чем в более высоких. Голодные времена во Франции сильно отразились на кормящих матерях, что впоследствии сказалось и на детях. Брошенные младенцы редко выживали – в начале XVII века таких детей обычно отправляли в больницу Отель Дё. А поскольку организация эта благотворительная, проблемы с финансами были вполне предсказуемы, и за детьми совершенно не ухаживали в должном виде – об этом говорит хотя бы тот факт, что организации не хватало медсестер. Считается, что ни один младенец из тех, что побывали в Отель Дё, не дожил до совершеннолетия. Еще более страшная статистика: Винсент де Поль

в 1638 году утверждал, что за последние 50 лет (на момент высказывания, конечно) вряд ли выжил хотя бы один брошенный младенец. В это же время дети, найденные на улицах полицейскими, обычно отправлялись в приходскую общину «Куш», а позже продавались беспризорникам и бродягам, которые использовали детей как инструмент заработка. С ребенком на руках было легче вызвать жалость. «Куш» пытался найти этим детям жилье, однако чаще они просто умирали, не дождавшись лучшей жизни. Хорошо, что во второй половине XVII века вопрос брошенных детей встал особенно остро, и государство начало способствовать борьбе за их жизнь.

Эмоционально французы не слишком переживали по поводу происходящего (хотя бы потому, что все это воспринималось как элемент фатализма). В целом чрезмерное эмоциональное влечение к ребенку считалось церковниками тем, что следует направить в пользу богослужения. Да и вообще в те времена считалось, что дети излишне обласканы родителями.

Уход за ребенком

Через 2–3 дня после рождения ребенка крестили. Во время крещения он был облачен в накидку белого цвета в форме креста, затем ее надевали на малыша в течение месяца после ритуала. Новорожденных называли в честь святых, поэтому имена часто повторялись. Томасы, Джоны, Анны, Уильямы, Маргариты и сегодня не редкость, но в XV–XVI веках на эти имена был невероятный спрос.

После рождения за ребенком требовался особый уход: тело смазывали маслом желудей, чтобы уберечь его от холода, затем мыли в теплой воде и капали масло в глаза. Няням рекомендовалось мыть детей в горячей воде зимой и теплой – летом, поглаживая их по животу. Лучшее место для новорожденного – колыбель. Голову следовало укладывать выше всего остального тела. Лучшее место для колыбели – то, где нет ни солнечного, ни лунного света. Не рекомендовалось класть ребенка в колыбель сразу после кормления: от укачивания он мог отрыгнуть молоко.

На молоке нужно остановиться подробнее: в XV–XVI веках в Англии большинство авторов считали, что грудное молоко – лучший продукт для кормления ребенка.

Хорошей кандидатурой для роли кормилицы считалась недавно родившая женщина с тщательно проверенным молоком. Молоко не должно было иметь никаких цветовых и вкусовых оттенков, то есть не быть кислым или соленым, голубоватым или розоватым.

Доктор Джонс советовал осматривать грудь кормилицы на предмет отеков, ведь «большие соски причиняют боль деснам и маленьким челюстям, потому что так детям приходится слишком широко открывать рот, чрезмерно растягивая сухожилия, что вызывает боль, очень похожую на судорогу». Плохое молоко кормилицы часто становилось причиной смерти детей, поэтому выбор женщины на эту роль был очень серьезным делом. Основную часть рациона новорожденного составляло молоко – им рекомендовалось кормить ребенка до двух лет, однако в большинстве случаев детей кормили молоком до появления первых четырех зубов, после чего в рацион вводился хлеб.

Из шокирующих медицинских подробностей: любые высыпания на коже ребенка лечились раствором из уксуса и вина с добавлением масла. Сегодня такой способ лечения сыпи может вызывать вопросы.

Кормилицы

Если переместиться во Францию, но уже XVII века, то можно увидеть интересные закономерности²⁶. Не будем отходить от традиции и рассмотрим именно период младенчества. Французы считали, что важнейшую роль в вопросе выживания ребенка играют его отношения с кормилицей. Выживание действительно было сложной задачей, ведь смертность среди младенцев варьировалась в диапазоне от 25 до 75 %. Правильно подобранная кормилица была ключевой фигурой на пути формирования здоровья ребенка. Считалось, что между ними возникала особая связь, а потому няню, если ребенка вскармливала не мать, подбирали, отталкиваясь не только от антропометрических и физических данных, но и от «красоты души, потому что с молоком принц выпитывает правильные привычки, а также доброту и мудрость».

Кормилица должна была быть хорошей матерью и любить ребенка, поскольку считалось, что в таком случае она будет более аккуратной с ним. К тому же считалось, что как фантазии матери во время вынашивания могли влиять на пол ребенка, так настроение кормилицы отражалось на его состоянии. У французов, однако, возникала боязнь химической несовместимости, так как в течение девяти месяцев вынашивания ребенок питался «одной кровью», а в течение последующих двух лет – другой.

Температура молока тоже была крайне важна: мальчику старались давать не слишком теплое молоко, чтобы он не стал женоподобным, а девочкам – не слишком холодное, чтобы они не выросли излишне мужественными.

В общем, подобрать кормилицу – трудоемкая и невероятно сложная задача. Содержать ее тоже было нелегко: стоимость их услуг постоянно росла, более того, некоторые из них впоследствии становились нянями и полноценными членами семьи. Молоко женщины, родившей девочку, считалось более подходящим, чем молоко той, что родила мальчика, поэтому все больше женщин из бедных слоев населения отказывались от своих детей в пользу работы кормилицей. Это, в свою очередь, привело к формированию любопытного заблуждения: во Франции считали, что городская среда больше благоприятствует рождению девочек. По сути, эта идея связана с тем, что от девочек в городах меньше отказывались, ведь городские жители меньше нуждались в деньгах. Из интересных фактов можно выделить, например, то, что французы считали женское молозиво²⁷ нездоровой пищей для детей, потому что слизь, по мнению врачей, загрязняла организм ребенка.

²⁶ Elizabeth Wirth Marvick. Nature Versus Nurture: Patterns and Trends in Seventeenth-Century French Child-Rearing.

²⁷ Молозиво – секрет молочной железы, вырабатываемый в последние дни беременности и в первые дни после родов. По составу содержит меньше жира, лактозы и воды по сравнению с молоком.

Пеленание

Пеленать ребенка нужно было определенным образом: считалось, что это могло существенно повлиять на ребенка, ведь от качества и правильности пеленания зависело, будут ли его конечности прямыми. Укладывать части тела следовало аккуратно, поскольку конечности ребенка нежные и расти они будут в зависимости от их положения: рекомендовалось класть руки вниз, вдоль тела. Через четыре месяца разрешалось перестать пеленать руки, но живот и ноги необходимо было «закутывать» от холода в течение года после рождения.

Между тем, как пеленали ребенка во Франции, а как – в Англии, есть различия. Самое главное из них – во Франции ребенка пеленали «с головой». Вообще, в каждом регионе Франции были свои особенности пеленания, например, подкладывали планку под голову и шею младенца. Считалось, что не стоит пеленать голову слишком сильно, иначе она будет узкой и вытянутой.

Так же как и в Англии, во Франции тщательно следили за тем, как пеленают ребенка, чтобы исключить и предупредить проблемы с «кривизной» конечностей, но основным мотивом была осанка (а с 5–7 лет девочки вынуждены были знакомиться с корсетами из китового уса).

Французы считали, что сами по себе пеленки нужно кипятить 3–4 раза в день – естественно, не каждый мог себе позволить такой уход за ребенком. Поэтому, встретив на улице голого ребенка, никто не удивлялся: так бедные люди пытались экономить на стирке.

Вторая половина XVII века стала переломным моментом для жизни французского ребенка. Государство начало широкую образовательную программу для детей, которая давала возможности для обучения девочек, а также благоприятствовала открытию множества деревенских начальных школ – естественно, осуществлялось все это не без помощи церкви. Методы воспитания менялись, фокус с внешней формы семейной жизни смещался на качество отношений внутри семьи. Стал ли XVII век веком перемен для детей? Нет, качественно жизнь детей XVII века практически не изменилась. Однако предпосылки для улучшения ситуации уже начали проявляться.

Глава 2

Воспитание детей

Теплые семейные взаимоотношения и сейчас могут показаться детям (и даже взрослым) мечтой. Если рассматривать явление в общем, то с XVII века любовь и забота внутри семьи стали входить в норму. Нападки со стороны пуритан на балующих своего ребенка матерей можно рассматривать как доказательство всеобщей практики внимания к своему чаду. Незыблемым и неоспоримым остается тот факт, что воспитание подразумевало воспроизводство гендерных ролей, которые в дальнейшем формировали определенное поведение и позиционирование себя в обществе.

Супружеские пары во все исторические периоды имели желание завести ребенка. Французский поэт XIV века Эташ Дешам высказался очень радикально, сказав, что дети не приносят ничего, кроме неприятностей и беспокойства.

Дети становились утешением, о чем свидетельствуют дневники и биографии различных известных личностей – так о своей первой дочери писал, например, Ральф Джосселин²⁸. Существует множество частично сохранившихся источников, которые дают нам понять, что и до 1700-х годов привязанность не была редкостью. Британский политик Эндимион Портер писал своей жене в феврале 1628 года: «Поцелуй за меня всех моих маленьких мальчиков». Сэр Томас Пелхэм вез подарки из Лондона своим детям в Сассекс в середине семнадцатого столетия – один из сыновей получил от него шляпку и барабан²⁹. Родители так же, как и сейчас, верили, что их ребенок вырастет достойным человеком. Нет оснований говорить, что отцы любили своих детей меньше, чем матери, хотя они действительно меньше участвовали в заботе о них.

²⁸ Fletcher A. Growing up in England: the experience of childhood, 1600–1914.

²⁹ Fletcher A. Growing up in England: the experience of childhood, 1600–1914.

Болезни

Родители волновались, когда ребенок болел, писали о несчастных случаях и проявляли беспокойство не только при лихорадке, но и при обычном кашле. Аристократка леди Анна Клиффорд сделала запись в своем дневнике о том, как сильно переживала, когда ее дочь одолела лихорадка. Родители молились и просили у Бога избавления от болезни, а после записывали свою благодарность высшим силам.

Тугое пеленание, замедляющее сердцебиение ребенка и поощряющее его больше спать и меньше плакать, также позволяло игнорировать исходящие от него неприятные запахи.

Один врач XVIII века даже писал, что некоторые считают, что чистая одежда и свежие пеленки забирают у ребенка жизненные соки³⁰. К груди ребенка не прикладывали, пока у матери не начинало выходить молоко – то есть до 2–3 дней. Тем временем ребенка очищали: в Англии XVIII века рецепты включали масло миндаля, сироп на основе роз, цикорий и ревеня. В континентальной Европе способы были чуть более экстремальными: сенна³¹, касторовое масло или клизма.

Поскольку общеприменимой замены грудному молоку не было, у детей могли возникать проблемы с кормлением – один врач даже считал, что с этим связаны 9 из 10 детских смертей (что, впрочем, абсолютно не соответствует действительности, но дает представление о том, что с этим аспектом жизни новорожденного возникали трудности). Возможные альтернативы и дополнения: безмолочные каши на основе крахмала и разваренный хлеб с сахаром и пряностями (панада). Шотландский врач Уильям Бьюкенен, однако, крайне не рекомендовал их использовать. Безопасной альтернативой грудному молоку он считал коровье – лучшая пища для младенцев – либо кормление напрямую от вымени козы или ослицы. Первые блюда, которые можно было дать ребенку, по его мнению, – ячменная каша, говяжий бульон с рисом или размоченные в коровьем молоке сухари. Свежие фрукты и овощи называли неподходящей для детей едой, поскольку их считали кислыми и тяжелыми для переваривания. Вероятнее всего, детские смерти, в которых винили прорезывание зубов, были вызваны цингой, обусловленной дефицитом витамина С. Врачи XVIII века приписывали им схожие симптомы: раздражение десен, ведущее к воспалению, лихорадка, судороги, гангрена и т. д. – так описывал заболевание Джон Арбетнот³².

Прорезание зубов действительно воспринимали как проблему: в медицинских справочниках этому уделялось отдельное внимание. Уже упомянутый Уильям Бьюкенен даже советовал давать несколько капель настойки опиума на одной из последних стадий. Самые тяжелые случаи решались вскрытием десен: это делалось ногтем, краем монеты или любым острым предметом, но лучше всего для этого подходил скальпель и умелые руки – в домашних условиях такое лучше не повторять. Ребенку после таких вмешательств могло стать плохо (что неудивительно). Кровопускание, кстати, тоже применялось в период прорезывания зубов (в те времена его вообще считали лекарством от всех болезней). Еще из «нескучных» средств – пиявки или слабительные средства.

Качание люльки было немаловажным процессом: в справочнике Брузе за 1755 год целых четыре страницы были посвящены только советам по качанию.

³⁰ Cadogan. An Essay upon Nursing.

³¹ Кассия остролистная (сенна) – это многолетний полукустарник до 1 метра высотой с ветвистым стеблем.

³² Шотландский врач, сатирик и эрудит эпохи Просвещения. Приобрел известность благодаря своим сочинениям по математике и остроумию.

Малышам не особо разрешали ползать по полу: во-первых, из-за грязи, во-вторых, из-за намека на животную сторону человека. Чтобы этого избежать, использовали аналоги современных детских ходунков.

Тугое пеленание ушло в конце XVIII века, и на смену пришла одежда. Но отказ от пеленок означал, что настало время подумать о чистоте.

Что касается образования детей, сейчас мы бы считали их вундеркиндами: к 2–3 годам они уже знали простые цифры от 1 до 9 и их комбинации, могли повторять «Отче наш» и заучивать буквы по записной книге. Слова изучались преимущественно по Библии – специальная детская литература появилась только к середине XVIII века. Начиная с 1658 и вплоть до 1845 года любой ребенок из образованной семьи изучал книгу *Orbis Sensualium Pictus*³³ – в ней были картинки различных явлений и вещей окружающего мира с подписями на французском и латыни. По сути, ребенок сразу интегрировался в мир взрослых.

Дети при этом оставались детьми и не упрощали родителям жизнь: Джейн Джосселин, например, случайно вонзила ножницы в бровь брата³⁴. У Ричарда Эвелина в горле застряла баранья кость, и он чуть от этого не скончался. Дети попадали во всевозможные ситуации, которые требовали от их родителей хладнокровия и сосредоточенности. Порой родителям приходилось переносить утрату детей, что давалось им весьма тяжело: система здравоохранения была крайне слабой, и это вело к высокой смертности. По этой причине традиционная медицина широко применялась и передавалась: женщины обменивались советами и имели собственные сборники с рецептами лекарственных средств. Мэри Ловетт в 1723 году согласилась, чтобы ее сына посадили на диету из ослиного молока и устроили шестимесячный постельный режим, лишь бы дать ему шанс на жизнь.

И в XVIII, и в XIX веке продолжали развиваться те представления о воспитании детей, которыми мы руководствуемся по сей день. Вклад в модель воспитания внесла концепция Джона Локка³⁵, который говорит о ребенке как о чистом листе – это помогло избавиться от пуританской жесткости и повысило роль родителей в воспитании детей.

Родителям было необязательно общаться друг с другом лично, напрямую – они могли это делать через письма.

Нельзя забывать, что брак вплоть до Первой мировой войны – это история не о «нас», мужчине и женщине, а о детях и их благополучии.

Английский аристократ сэр Джон Мордонт со своей женой Пенелопой проводили много времени вдали от детей, но не переставали участвовать в их жизни через письма³⁶. Повседневный уход держался в основном на гувернантках и нянях, но подробности физического развития и успехов детей были интересующей их темой. Жена же писала сэру Джону, например, об одном крайне неудачном ужине в 1699 году – он был частью интеграции детей во взрослый мир. Их сын Чарльз просил бокал красного вина, подражая отцу, и отказался пить воду. А в шесть лет попросил парик.

Военный министр (и лидер Палаты общин) Генри Фокс, первый барон Холланд, очень любил своих детей и, несмотря на свою вовлеченность в политику, проводил с ними много времени. После рождения ребенка вскоре после заключенного брака они с женой Кэролайн Леннокс были без ума от нового члена семьи. Они не уставали говорить о своем ребенке как об исключительном создании – самом красивом, умном и обаятельном малыше из всех суще-

³³ «Наблюдаемый мир в картинках» – детский учебник, написанный чешским педагогом Яном Амосом Коменским. Был опубликован в 1658 году и стал образцом детских учебников на несколько веков.

³⁴ Fletcher A. Growing up in England: the experience of childhood, 1600–1914.

³⁵ Джон Локк – английский педагог и философ, представитель эмпиризма и либерализма. Полагал, что воспитание играет ключевую роль в формировании личности ребенка.

³⁶ Fletcher A. Growing up in England: the experience of childhood, 1600–1914.

ствующим. Генри Фокс действительно старался быть внимательным к своим детям. В начале 1750-х годов он уделял много времени сыну, Чарльзу Джеймсу Фоксу. Супруги часто обсуждали друг с другом своих детей и шокировали Лондон своей снисходительностью к ним. Кэролайн Фокс поощряла сыновей много читать и посещать театр с малых лет – благодаря матери Чарльз с пяти лет начал читать пьесы, а в шесть уже выучил историю Древнего Рима. Все дети научились читать к пяти годам, а с двух учили алфавит. При этом родители не хотели баловать детей: Кэролайн Фокс считала, что, если мальчики не больны и не нуждаются в помощи врачей, они должны проявлять активность и живость духа. Стью – Стивен – был грубым озорником, которому часто не везло, но Кэролайн это даже нравилось: когда сыновья резвились, она просила их отправиться в подходящее для игр место, а не наказывала. Несмотря на такой «современный» подход к воспитанию, в 1770-х годах Стивен и Чарльз проиграли большую часть состояния своего отца. Даже тогда Генри Фокс писал старшему сыну Стивену: «Никогда не показывай Чарльзу, как сильно он меня огорчает». Кэролайн же восприняла неудачи своих сыновей и их тягу к разгульному образу жизни как показатель ее неудачи как матери.

В викторианской Англии концепция воспитания детей была изменена в связи с тем, что само понимание семьи начало меняться – появился культ дома, домашнего очага. Хороший пример – семья Литтлтон³⁷. Будучи представителями аристократии, они были крайне сплоченными: Люси Литтлтон в 1850-х годах писала, что ее детство прошло ясно и беззаботно. У отца семейства, четвертого лорда Литтлтона, годовой доход был равен 7000 фунтам стерлингов – не чета первому лорду Литтлтону, построившему один из самых значимых домов в палладианском стиле в Англии. Люси Литтлтон была набожной девушкой. Она вспоминала, что в детстве мать приносила им Библию, а позже, когда они стали старше, это стал делать отец – оба родителя всегда были примером для детей. Дочерей Мэри Литтлтон часто брала с собой на прогулки в экипаже с пони и приглашала детей присоединиться к ним с мужем за десертом перед сном (частая практика в XVIII–XIX веках). Иногда дети могли вместе с родителями выходить в сад, чтобы посмотреть на закат.

³⁷ Fletcher A. Growing up in England: the experience of childhood, 1600–1914.

Лечение

Говоря о лечении детей, педиатрия до середины XVIII века находилась в тени акушерства. После того как врачи начали массово наблюдать за детьми, это стало толчком для развития книг с советами по поддержанию детского здоровья. Одной из таких книг была «Домашний лечебник» Уильяма Бьюкена 1769 года – позже она пережила 18 изданий и была переведена на русский язык. Екатерина II даже отправила доктору благодарность, сопроводив ее золотой медалью.

В 1789 году известный английский врач Майкл Андервуд написал трактат о детских болезнях: он состоял из трех частей, посвященных болезням, хирургии и общим рекомендациям по уходу за младенцем. Книга 10 раз переиздавалась в Англии и 4 – в Америке, а также была переведена на французский и немецкий языки.

Свой вклад внесли и аптекари, поскольку при появлении первых симптомов болезни к ним обращались чаще всего (обратиться за лекарством к аптекарю было дешевле, чем к врачу). Например, аптекарь Джордж Армстронг в 1767 году написал *Account of the Diseases Most Incident to Children*³⁸ – краткое и полезное пособие и для врачей, и для родителей. Он также выступал против изъятия больного ребенка у родителей, считая, что это разобьет ему сердце.

Была и типично женская литература с советами по уходу за детьми, например *Essay on the Management and Nursing of Children in the Earlier Period of Infancy*³⁹ Уильяма Мосса. Материал был специально «адаптирован» для женских умов, которые нуждались в «деликатном обращении». На фоне снижения детской смертности и сокращения числа смертельных заболеваний ребенок предстал в новом свете: теперь он – существо, обладающее правами и привилегиями по Жан-Жаку Руссо.

В деталях критиковался подход Локка: например, советы надевать на детей легкую одежду и обувь, чтобы они привыкали мокнуть, или необходимость сна на жесткой кровати для формирования привычки засыпать в любом месте.

Теория о необходимости закаливания долгое время была крайне популярна, но за повальной увлеченностью холодными ваннами, легкой одеждой и скудной пищей шли еще более «глубокие» советы: например, метание для укрепления нервов или стрельба для повышения выносливости.

Закаливание можно назвать неизбежной долей младенцев XVIII века. В первые несколько недель приучение начиналось с теплой ванны – постепенно вода становилась холоднее, и в итоге ребенок должен был наслаждаться купанием в ледяной воде. Если же он становился вялым и ослабленным, то ванны прекращались. Закаливание сопровождалось живым пением, поэтому элемент развлечения для ребенка в этом все же был.

Все руководства XVIII века по уходу за младенцем делали акцент на физическом здоровье ребенка: например, детей нужно было учить послушанию, чтобы они позволяли проводить с ними медицинские манипуляции. Локк, Руссо и продолжатели их идей, напротив, делали акцент на нравственном и интеллектуальном воспитании.

Из-за недоверия к врачам во многих руководствах содержался материал о лечении болезней, как уже было сказано выше, а это вело к тому, что женщина становилась еще и «врачом». Количество заболеваний между тем было пугающим: желтуха, гельминты, диарея, дизентерия, коклюш, чахотка, пневмония, рахит, корь, скарлатина, гангрена, судороги. Естественно, обычным людям давались рекомендации в виде слабительных и пиявок. Джон Дарволл подробно описал их применение: чтобы не пугать ребенка, пиявку нужно было спрятать в горлышко

³⁸ В пер. на русский: «О болезнях, наиболее характерных для детей».

³⁹ В пер. на русский: «Эссе об уходе за детьми в период раннего младенчества».

бутылки и приложить к коже. Катаральное воспаление (от которого ребенка мог умереть за несколько дней) лечилось приложением пиявок к носу. Более опасный круп⁴⁰ – восемь пиявок на шею. От коликов – пиявки на животе и прямой кишке, от инфекции мочевыводящих путей – на половых органах. Перед началом любого лечения полагалось принимать слабительные (да, даже при диарее). А еще клизмы, магнезию и ревень, печенье с касторовым маслом... При этом сам доктор Дарволл, автор подобных советов, не считал себя врачом, который назначал слишком серьезные дозировки, в отличие от коллег.

Существовала и альтернативная медицина: Лидия Чайлд⁴¹ предлагала траволечение. Круп она рекомендовала лечить припаркой из табачных листьев, которую через время нужно было сменить на смазанную гусиным или куриным жиром и приправленную шотландским нюхательным табаком салфетку. От гидроцефалии⁴² советовала накладывать припарку из тушеного с уксусом лука на бритую голову и оmyвать ноги водой с горчицей. От коклюша – жевать чеснок. У человека, живущего в XXI веке, может появиться скепсис по отношению к этим средствам, но все же нельзя не признать, что они были безопаснее того же опиумного сиропа или хлорида ртути, используемых в традиционной медицине.

В конце XVIII века появилась (и, надо признать, до сих пор не сдает своих позиций) гомеопатия. Ее созданию мы обязаны немецкому медику Христиану Ганеману⁴³. Рекомендованные дозы были настолько маленькими, что говорить о какой-то эффективности не стоит. Однако из очевидных плюсов можно отметить убежденность Ганемана в необходимости тестировать лекарства сначала на здоровых людях, а после – на больных. Руководство Уолтера Джонсона о применении гомеопатических лекарств в лечении детей появилось в 1857 году – «О гомеопатических и гидропатических принципах». Матери перестали использовать каломель (в реальности – хлорид ртути с кумулятивным ядом типа мышьяка). Применение лауданума тоже было опасно. Матери не могли удостовериться в правильности дозировки, что влекло за собой риск развития осложнения или летальные исходы. Именно поэтому врачи стали осторожнее выражаться в своих руководствах, опуская дозировку. Таким образом, позицию лучшего врача наконец-то занял собственно врач, а не мать ребенка.

Важно также признать, что детей считали разными – и не только врачи. Дневник уэльской писательницы Эстер Трейл, образованной деловой женщины, это доказывает: она наблюдала за своими 13 детьми и откровенно говорила об их различиях. Как ни странно, ей хватило мужества признаться, что одни дети ей нравились больше, чем другие.

⁴⁰ Круп – это синдром, характеризующийся сужением просвета гортани в результате отека, которая возникает при различных инфекционно-воспалительных заболеваниях дыхательных путей.

⁴¹ Лидия Мария Чайлд (1802–1880) – видная представительница американского аболиционизма, активистка движения за защиту прав женщин, борец за права индейцев, писательница и журналистка.

⁴² Гидроцефалия, или водянка головного мозга, – это скопление лишней спинномозговой жидкости в желудочках (полых пространствах) внутри головного мозга.

⁴³ Христиан Фридрих Самуэль Ганеман (1755–1843) – немецкий медик, основатель гомеопатии, направления альтернативной медицины.

Подходы к воспитанию

Набожные люди считали, что детство – просто подготовка к вступлению во взрослую жизнь, а воспитание и образование нужно для моральных наставлений – никакого внутреннего интереса в этих занятиях быть не может. Им противостояли Мария и Ричард Эджуорты с их «Практическим образованием», в котором утверждалось, например, что детская комната должна быть полна игрушками, так как это поощряет детей экспериментировать⁴⁴.

Мать должна была следить за обучением и воспитанием своего ребенка: в рамках идей практического образования использовались лобзики, корзины (их плетение), мячи и т. д. После четырех лет начиналось обучение чтению.

Эджуорты также признавали ребенка личностью, а потому давали советы в духе: «как научить ребенка послушанию в удовольствие» (его стоило хвалить и проявлять терпение). Нельзя применять по отношению к детям длительное наказание – и вообще следует его индивидуализировать. К сожалению, жизнь этого духа свободы была короткой: приближался XIX век.

Однажды мадам де Сталь спросила Наполеона, как совершенствовать нравственные ценности. Он ответил ей: «Наставлять матерей Франции».

В обществе после наполеоновских высказываний существенно сменился вектор: мать стала полубожеством. Жену начали считать хранительницей очага, и, чтобы соответствовать строгому этикету и при этом не умереть от скуки, она с головой погрузилась в материнство и воспитание идеальных детей.

Теоретически отцы тоже не теряли свое положение и продолжали интересоваться детьми, но из-за того, что большинство отцов имели публичные обязанности, влияние матерей на детей было несколько значительнее (хотя на каждое правило найдется множество исключений). Одной из важных составляющих воспитания было мягкое погружение ребенка в религию и прививание ему религиозного мировоззрения.

К середине века религия и наука четко доносили идею, что нежный детский ум не стоит с самого раннего возраста нагружать переизбытком знаний – из-за стремления к ним в XVIII веке произошло переключение на воспитание в ребенке нравственности и увлечение игрушками. Родители, конечно, хотели сделать своего ребенка выдающимся, самым умным среди сверстников, а потому по мере развития общества становилось нормальным учиться читать, начиная с шести лет.

С наступлением нового века увеличилось и количество доступной литературы: к медицинским трактатам добавились брошюры и журналы: «Журнал матери», «Семейный журнал» и т. п. Советы в них были крайне разнообразными: обсуждали способы дисциплинировать ребенка, затрагивали вопрос начала прививания ребенку религиозных ценностей. В основном, конечно, обсуждение было теоретическим, но сам факт существования таких журналов явно доказывал одно: вопрос того, как воспитать ребенка хорошим, высокоморальным человеком, стоял на повестке дня.

Одним из известных произведений стало руководство по уходу за детьми врача-акушера Томаса Булла, выпущенное в 1840 году.

Булл сосредоточился на физиологической стороне воспитания, давая информацию о лечении болезней и советы по уходу. Его руководство позволяло пользоваться различными

⁴⁴ Ричард Эджуорт (1744–1817) – англо-ирландский политик и писатель, отец 22 детей. Его дочь Мария Эджуорт с юности помогала отцу в написании педагогических статей, а после его смерти уже самостоятельно развивала идеи правильного воспитания детей, включавшего хорошее образование. По ее мнению, лень – один из основополагающих факторов, останавливающих детей и подростков на пути развития, поэтому с ранних лет нужно поощрять их тягу к знаниям и показывать это в увлекательном для них виде.

лекарствами, поскольку была прописана их дозировка, однако последующие руководства подобной тематики были более избирательны в преподнесении информации обычным людям.

Вливаясь в актуальную повестку викторианской обыденности, миссис Сара Эллис в середине XIX века написала три работы, которые подчеркивали необходимость исполнения «женского долга». Нетривиальные названия ее произведений – «Дочери Англии», «Жены Англии», «Матери Англии». А еще она думала о продолжении под названиями «Намеки мачехам» и «Утешения для старых дев». Темы там затрагивались те, что, наверное, не потеряют своей популярности и в обозримом будущем (и в обозримом прошлом). Говоря о детях, Эллис уделяла внимание их моральному воспитанию и призывала матерей следить за своими детьми вместо отвлечения на другие дела вроде утренних визитов к знакомым.

Выражение «в здоровом теле – здоровый дух» было актуально и в XIX веке. Долг матери заключался в том, чтобы взрастить здоровое тело, в котором мог бы расти и развиваться здоровый дух ее ребенка.

Произошло религиозное и научное признание важности тела: считалось, что если в нем что-то не так, то это влияет на мысли и чувства. Данную мысль выразил доктор Олкотт в «Молодой матери». Иначе говоря, мать становилась хранителем храма, в котором жила душа ее дитяти. Эти идеи нашли отражение в обстановке, которая рекомендовалась для воспитания детей, а также в еде, одежде и досуге.

Кормление и сон

Тогда же, в середине XIX века, появилась мысль, что детей следует кормить грудью. Английский публицист Уильям Коббетт заявил, что грудное вскармливание – право ребенка от рождения. Даже если матери этот опыт кажется болезненным, его нужно пройти: это произведет впечатление и на мужа, и на других детей. По сути, это героический поступок, принесение матерью себя в жертву, за что общество всегда вознаграждало. Все больше и больше матерей стали кормить ребенка собственной грудью, и такие женщины, по словам доктора Булла, были физически здоровее и привлекательнее, а также снижали риск молочной лихорадки, рака и повторной беременности. Надо признать, что руководства, направленные на обучение матери кормлению грудью, были не самыми простыми в использовании. Доктор Шавасс, например, говорил о кормлении каждые полчаса в первый месяц после рождения и строго запрещал давать любую другую пищу. Быть кормящей матерью – это сложная задача не только из-за необходимости постоянно находиться рядом с ребенком, но и из-за целого ряда упражнений, рекомендуемых врачами: физические нагрузки и холодный душ с соленой водой каждое утро. Никакого перегрева, чтения романов, «потакания бурным страстям и эмоциям» – все это грозит ребенку судорогами⁴⁵. Писали даже о проблемах с сосками: матерям со втянутыми сосками Элиза Уоррен предложила взять два больших мускатных ореха, положить на неделю в бренди, высушить, а после натирать каждое утро грудь глицерином и класть мускатные орехи на соски. Если кормить грудью не получалось, в Англии всегда оставались кормилицы (а во Франции козье и ослиное молоко), к тому же к середине XIX века даже врачи начали рекомендовать запатентованное детское питание: доктор Шавасс рекомендовал около 17 заменителей молока, например, *Mellin's Food Works*⁴⁶. Трудности грудного вскармливания привели матерей прямо-таки к бутылочкам со смесями.

В начале XIX века самая распространенная бутылочка – простая керамическая или стеклянная бутылка с маленьким носиком на одном конце, к которому была привязана кожаная соска, и отверстием наверху, закупоренным пробкой с клапаном или трубкой. Из США можно было привезти настоящую экзотику – *Lacteal Nurser*, запатентованную в 1841 году, – стеклянную бутылку, слегка вогнутую, чтобы ее можно было расположить поверх груди. Соска была сделана из оленьей кожи, а внутри набита губкой, чтобы контролировать выливание молока. Для «подлинности» была даже прокладка телесного цвета – в воображении создателя это была почти полная имитация груди. Большинство же бутылочек имели трубку между соской и непосредственно бутылкой, что означало рассадник бактерий. С другой стороны, соска была пустышкой, а бутылку можно было прикреплять и класть сбоку от ребенка. Резиновые соски были запатентованы в Америке в 1845 году, но изначально не пользовались популярностью: вкус и запах оставляли желать лучшего, а после многократного использования вообще были нестерпимыми. Доктор Булл продолжал советовать старые добрые кожаные соски, которые вымачивались в спирте (и делать это нужно было каждый день).

Пока велся спор о сосках, доктора не успевали прийти к консенсусу о питании детей, вышедших из младенческого возраста. В основном они сходились на обработанных фруктах, слабо обжаренных овощах, бульонах и мягких мучных блюдах. Некоторые врачи запрещали есть мясо до выпадения молочных зубов (то есть до 6–7 лет), другие разрешали бараньи отбивные после появления зубов в деснах. После двух лет разнообразия было больше. В этом смысле повезло французским детям: они ели больше спелых фруктов, а потому имели меньше проблем

⁴⁵ Child L. The Mother's Book.

⁴⁶ Английский производитель детских смесей для питания.

с кишечником. Для англичан же детская диета неизбежно вела к запорам и многочисленным рекомендациям по применению слабительных средств.

Родители не должны были баловать детей вкусной «взрослой» едой, поскольку даже еда, по мнению миссис Хорас Манн, влияла на формирование характера (настало самое время вспомнить бабушкины пирожки и пышки и думать, как это повлияло на ваш характер)⁴⁷.

Сон, к счастью, не был моральной проблемой: доктор Конквест, например, считал, что «грудь матери – естественная подушка для детей». Доктора Булл и Комб были согласны, поскольку это позволяло сохранить тепло: в XVIII веке в условиях холодного дома это было разумной мерой предосторожности.

Доктор Шавасс изначально говорил, что разумно спать с ребенком до отлучения от груди, т. е. до девяти месяцев, но позже, передумав, высказался о нескольких месяцах и предупредил об опасности удушья.

В XIX веке веяния изменились: стали говорить о необходимости отдельного сна – ребенку стоило привыкать спать одному в своей комнате.

Были споры даже об укачивании: доктор Конквест считал, что подобный механизм использовался для усмирения сумасшедших; ребенка же не нужно укачивать – если он не хочет спать, то ему холодно или он голоден. А вот «Материнский оракул», напротив, выступал за колыбель.

Если ребенок плакал, нужно было понять, в чем дело: возможно, ему не хватало физической активности, он был голоден или ему было больно. Не все были убеждены, что плач – естественное явление. Доктор Конквест, например, писал, что крики младенца – «голос природы, молящий об облегчении». Здоровый ребенок, по его мнению, почти никогда не плачет. Также он говорил, что чрезмерный плач может отразиться на характере ребенка (конечно, не с лучшей стороны). Доктор Булл считал слезы признаком раздражительности, который следует игнорировать, а доктор Комб, наоборот, говорил, что нет ничего естественнее младенческого плача.

Для нетерпеливых родителей существовали опиаты. Кормилицы смазывали ими соски, у горничных были спрятаны бутылочки с «волшебным средством», некоторые матери сами давали его детям.

Увлекательная статистика: за 1837–1838 годы было зафиксировано 72 случая отравления детей опиумом.

⁴⁷ Mann H. Moral Culture of Infancy and Christianity in the Kitchen.

Ночное недержание и коляски

Подгузники – немаловажная вещь. Тогда они были сделаны из сложенной вдвое пеленки, прошитой с трех сторон, вывернутой наизнанку и зашитой в квадрат. К углам были приделаны петли и завязки (булавки – вещь небезопасная). Некоторые няни даже умудрялись зашивать ребенка в подгузник. Поверх него завязывалось теплое фланелевое одеяло. Доктор Конквест советовал заменить его на промасленный шелк, поскольку вес одеяла мог быть слишком большим для ребенка и привести к развитию паралича. Пропитанный маслом шелк делал ребенка чрезмерно влажным, из чего вытекали сложности с пониманием того, когда подгузник нужно было менять.

В XIX веке к ночному недержанию мочи относились плохо. Ребенка рекомендовали укладывать спать на соломе, подложив фланель. Его гениталии следовало часто протирать жесткой щеткой. На спину нужно было нанести компресс из бургундской смолы или же растереть живот маслом розмарина. Дважды в день Лидия Чайлд советовала принимать ванну со скипидаром и нашатырным спиртом, смешанными с мылом. Доктор Конквест заявлял, что ночное недержание мочи связано с плохим уходом и недостаточным моральным воспитанием ребенка. В качестве лекарства он советовал холодный душ, бьющий в поясницу с высоты в 5–6 футов. Доктор Булл согласился с душем и предложил холодную ванну, в которую нужно было погружаться до бедер, но добавил совет: положить непромокаемую пленку между матрасом и простыней.

В ту эпоху появились первые коляски: конечно, это было предметом роскоши для богатых людей, а потому вид они имели, напоминающий миниатюрную карету.

Также существовали коляски, корпус которых был обит деревом или обшит кожей и отделан латунью. В 1850-х популярность колясок начала резко расти. Еще с 1840-х годов с ними много экспериментировали: были и трехколесные образцы, и те, которые нужно было тянуть за собой, а не толкать. В общем, полет фантазии! Привычная нам модель появилась в 1853 году – тогда был выдан первый патент. К концу 1860-х годов колясок стало куда больше, и на британском рынке возникло около 30 производителей! Естественно, внутри колясок скрывались опасности: ремни, обработанные мышьяком, или отсутствующие пружины, в результате чего прогулка становилась еще более «комфортной». Доктор Шавасс был ярким противником этого новшества, будучи убежденным, что ребенка нужно носить на руках, пока он не научится ходить. Он говорил об опасности перелома голени, вывиха лодыжки, мотания головой из стороны в сторону из-за неровной дороги и, в конце концов, сетовал на неосмотрительность гувернанток. Но прошло какое-то время, и детские коляски приняли в обществе – немалый вклад в это был сделан королевой Викторией, которая купила три коляски, о чем сообщили в *Illustrated London News*⁴⁸.

⁴⁸ «Иллюстрированные лондонские новости» – первый в мире еженедельный новостной журнал, основанный 14 мая 1842 года. Выходил еженедельно до 1971 года, затем выпуски стали появляться реже. В конце концов журнал прекратил свое существование в 2003 году.

Образование

Образование идеального джентльмена берет свои истоки в эпохе Возрождения⁴⁹. На протяжении XVI века идеи гуманизма играли ключевую роль в формировании концепта джентльмена. Итальянские гуманисты склонялись к тому, что женщины тоже имеют право на образование – немаловажную роль в формулировке этой идеи в Англии сыграл Эразм Роттердамский⁵⁰. Для него хорошим примером послужили интеллектуально развитые дочери Томаса Мора⁵¹: он часто посещал их дом и в результате стал защитником женского образования. Большой вклад в концепцию образования для мальчиков-аристократов внес Локк: он считал, что, как только ребенок овладеет основами английского, ему стоит учить латынь – это необходимо для джентльменов. При этом учить ее стоит не наизусть, а более расслабленно, опираясь на повседневность. К тому же мальчик должен обладать хорошим почерком и уметь рисовать (так полагали до появления фотографии), чтобы делать заметки о местах, которые он посетил за границей, и писать о происходивших в жизни событиях в дневнике. Локк также считал необходимым изучать французский, арифметику, географию, историю, геометрию, немного право и натурфилософию. Танцы, верховая езда, живопись, садоводство, фехтование, музыка – необходимые социальные активности, хоть и от последних двух сам Локк был не в восторге. Завершение образования джентльмена происходило в так называемом гран-туре – путешествии мальчика за границу (обычно в возрасте 16–21 года, но Локк говорил, что до 21 не следует отправлять его без наставника⁵²).

Образование в Англии начала XVIII века контролировалось церковью: мальчики из привилегированных семей учились в государственных школах, главной задачей которых было воспитать мужчин-лидеров, способных реализоваться в публичной жизни (на церковном или государственном поприще). Классическое образование становилось бесполезным в том смысле, что джентльмену изначально не требовалось зарабатывать себе на жизнь. Поэтому классическое образование – атрибут, но не инструмент аристократа. Вестминстерская школа была известна процветанием насилия и беззакония: богатые и высокомерные молодые аристократы, которые не хотели признавать над собой чью-либо власть, учились именно там. Итон же делал ставку на классическое образование и был ведущей государственной школой: после 1760 года ему все больше покровительствовали дворяне. В Итоне мальчики играли в крикет и футбол, занимались греблей и плаванием. В школе Винчестер тоже сохранялось классическое образование и поддерживалась дисциплина. Некоторые учебные заведения не отходили от классической учебной программы – там преподавали греческий, латынь, риторику, логику, другие добавляли большее разнообразие в учебную программу, но при этом они были доступны (далеко) не только потомкам аристократов. В некоторых учебных заведениях обучали определенным специальностям, например, бизнесу или военному делу. Это были частные школы: изначально основной их контингент – дети наиболее богатых представителей среднего класса, но позже частные школы стали популярны и среди аристократии, которая хотела для своих детей менее авторитарного подхода к образованию. Несомненные преимущества таких учебных заведений заключались в том, что там были против узкопрофильного обучения и считали, что математика и естественные науки – основа образования.

⁴⁹ Cannon J. Aristocratic century: the peerage of eighteenth-century England.

⁵⁰ Эразм Роттердамский (1466–1536) – голландский философ, теолог и писатель, которого прозвали «князем гуманистов». Его сатирическое произведение «Похвала глупости», опубликованное в 1511 году, – одно из самых известных на сегодняшний день.

⁵¹ Томас Мор – английский юрист, государственный деятель, философ, писатель-гуманист.

⁵² Hardyment C. Dream babies: child care from Locke to Spock.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.